

Китайские реакционеры громят профсоюзы

Военные власти ограбили кассу совета профсоюзов

Массовые рабочие протесты. Расстрелы без конца. Столкновение рабочих с войсками

Рабочие требуют открытия профсоюзов

ПЕКИН. Борьба за открытие вновь совета профсоюзов в Шанхае продолжается. Металлисты, муниципальные рабочие, рабочие трамвая, печатники и рабочие других отраслей в Шанхае вывели много резолюций протеста и отправили ряд делегаций к китайским властям, требуя отмены закрытия профсоюзов.

Состоявшаяся в Пекине 22 сентября конференция 20 общественных организаций отдала в главе правительства Афан-Чан-Чу делегацию со следующими требованиями: открыть вновь совет профсоюзов в Шанхае, издать закон о профсоюзах, запретить вмешательство военных властей в демонстрации, сместить министра народного просвещения. Кроме того конференция постановила организовать повсюду демонстрации в момент прибытия иностранных делегатов на конференцию по вопросу о таможенных пошлинах и требовать полной таможенной автономии.

Ограблена профсоюзная касса.

ПЕКИН. При закрытии совета профсоюзов в Шанхае военные власти захватили печати, документы и 4.000 долл. В настоящее время совет профсоюзов не имеет возможности взять из банка свои вклады. Рабочие начали вновь собирать средства в помощь совету.

По истреблению шанхайского корреспондента агентства «Юнайтед Пресс», берущего минимальные цифры, Шанхай потерял в связи с забастовкой около 12 миллионов рабочих дней и около 5 миллионов долларов зарплат.

Военные власти вооруженной силой подавили движение протеста

Новые расстрелы.

ПЕКИН. В связи с тем, что по всей стране среди рабочих ширится движение протеста против закрытия профсоюзов, сторонники У-Ией-Фу, состоящие в военном губернаторе многих центральных провинций, ринутся, повинуясь примеру мусульманских генералов,

Бесспокойно подвигать деятельность рабочих организаций.

В связи с разгоном шанхайских профсоюзов началось движение среди рабочих китайско-японской компании, которой принадлежат угольные копи и железные рудники в провинциях Ху-Бей, Ху-Нань и Чан-Су. Это движение достигло особой силы среди рабочих копий в Ан-Пин. По требованию администрации японской стороны У-Ией-Фу отпустил в путь 1.000 солдат для разгона профсоюзов, существующих там уже три года и охватывающих 10.000 горнорабочих. Рабочие мужественно выступили на защиту профсоюза. Между ними и войсками произошло столкновение. Войска открыли сильный огонь. В итоге столкновения 8 рабочих убито, много ранено и арестовано.

После разгона профсоюза администрация убила 1.000 горнорабочих. В связи с этим забастовали остальные горнорабочие и рабочие, обслуживающие железнодорожную ветку при шахтах.

За участие в демонстрации—2 года тюрьмы.

ПЕКИН. 22 сентября сессиями суда в Шанхае разбирали дело китайского рабочего, арестованного во время демонстрации 7 сентября. Рабочий признан виновным в нападении на американца и приговорен к 2 годам тюрьмы.

Борьба реакционеров против революционного Цингюань

Свату в руках кантонских войск.

ПЕКИН. Согласно последнему сообщению газет, порт Свату не захвачен генералом Чжен-Цан-Мингом и попрежнему находится в руках сторонников партии Гоминдан. Кантонская дипломатическая делегация во главе с Сун-Фу выехала в Пекин.

Сообщают, что Хуан-Мин (один из деятелей Гоминдана) выехал из Кантона на советском пароходе во Владивосток и рассчитывает посетить Москву и страны Западной Европы.

Новый поход против коммунистов в Венгрии

ВЕНА. В связи со все растущей революционностью венгерской рабочей массы усилением оппозиционного движения в профсоюзах, усилением социалистической рабочей партии и ростом влияния компартии на революционно-настроенные рабочие массы, полиция повела решительное наступление против левого крыла рабочего движения.

После ряда арестов лидеров рабочей партии полиция буквально устраивает охоту за коммунистами. В Будапеште произведены массовые аресты. Среди 42 арестованных, по сообщению полиции, находится бывший венгерский народный комиссар Матаяс Ракоши и комиссаром Вейсбергер.

Полный расправляет фантастические живые сообщения о коммунистическом заговоре с целью восстановления диктатуры и о якобы имевших место конфискации оружия и ручных гранат у членов коммунистической организации.

Для того чтобы оправдать действия полиции, венгерское правительство распространяет за границей официальное сообщение, что венгерские социал-демократы вели с либеральной борьбу против рабочей партии, при чем социал-демократы неоднократно утверждали, что венгерское левое движение получает материальные средства из Москвы.

МОПР—посредник в деле обмена политзаключенными

Гранд-гроз. Огненным смерчем прокатился по стране война революция. Рушились троны, старые устои общественной жизни, порядки...

Прекраса музыка перемешку с орудийными выстрелами. Трещали пулеметы. Цели победную песню пели...

Муж Анфис деловито, осторожно, отрывал от стены фотографию, изображающую Николая Кровавого. Оторвав, торжественно разорвал портрет на четыре части, бросил на пол, плюнул на клочья и бросил Анфисе:

— Выметай.

Анфиса, сдерживаясь на ногах от благоговейного ужаса, завопила:

— Ой, батюшки! Святотатство ты!

Опавший, ведь разразит тебя господь за это. Пропалешь.

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

Перевыборы делегатов Женщина

(Очерк).

Еще недавно было так:

Урвав свободную минутку, женщина бежит к соседке на крыльцо. К ним присоединяется третья, четвертая...

Начинается разговор:

— Ну как, матушка-Анфиса, пережить удалось у тебя познания?

— Ох, не вспоминай бы! Опять, как и прошлое воскресенье, нижняя юбка пригрозилась, а верхняя сырая. Муха мушкетерская! Не петь, а каторга! Сколько раз я проку своему говорила—как от стенок горюх. Знай свое соит...

От испорченных пижовок разговор переходит на червот.

— Грешу все, Людям—праздник, в обиде мут, а ты возле печки, грязная как ведра! Вот уж почтуй семь лет, как в церкви-то бываю от пачки до пачки...

— Чегой-то про отца Иоанна ботаю, бабыньки?

— А что?

— Спугнула, говорят, с провиней.

— Врасси! Мыслимо ли, чтоб отец наш духовный! А я вот вам скажу... Сон выдала. Иду быти и по улице, а за мной валеный сапог скачет!

— Б хулу, матушка, к хулу. Жди не счастья... Маня! Маня! Опять ты в окошко вываливаешься! И наведи ты сон вывед... Окаянная! Послушайши ты меня? Ох, прощ, слава с вами нет.

Годы шли...

Орудия смолкли. И снова, как и когда-то давно, зашумела фабричная труба и громко победно развуча гудок по всей стране:

— Гей, за работу!

В киншад мурлыканье превратилась страна. Застучали молоты, зашумели пилы.

Миллионы рук копались в обугленных обломках старья, выбрав годное и уничтожая ненужное.

Одна за другая стоявшие по пятилетки лет заводы испускали призывный зов. И пели великую песню! Иду, а приводе ремни.

В общей суматохе бесчисленные Анфисы, Анфисы, нашли свое место. Вы теперь их увидите и в школах, и в университетах, и на заводах в мастерских, и в советах. Они все хотят знать.

И не про сам тебери говорят они, не про червот. Все это забвот, куда-то отодвинулось...

На какое-либо заседание они приходят прежде своих мужей.

— Безобразия! Час ждем, а их все нет. Вот пошлут-то работа и не клеится у нас в секции.

— Не только поэтому. Говорят все больше болтает. Болтают, болтают, точно они стали бабами, а толку нет.

— Я вот спугнулось было в нашем директору фабрики. Так и так мол, нужно бы почистить завод, пылесосы, грязь... А он—све твое дело. Без баб обойдемся! Да как-а загниет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

Еще недавно было так:

Урвав свободную минутку, женщина бежит к соседке на крыльцо. К ним присоединяется третья, четвертая...

Начинается разговор:

— Ну как, матушка-Анфиса, пережить удалось у тебя познания?

— Ох, не вспоминай бы! Опять, как и прошлое воскресенье, нижняя юбка пригрозилась, а верхняя сырая. Муха мушкетерская! Не петь, а каторга! Сколько раз я проку своему говорила—как от стенок горюх. Знай свое соит...

От испорченных пижовок разговор переходит на червот.

— Грешу все, Людям—праздник, в обиде мут, а ты возле печки, грязная как ведра! Вот уж почтуй семь лет, как в церкви-то бываю от пачки до пачки...

— Чегой-то про отца Иоанна ботаю, бабыньки?

— А что?

— Спугнула, говорят, с провиней.

— Врасси! Мыслимо ли, чтоб отец наш духовный! А я вот вам скажу... Сон выдала. Иду быти и по улице, а за мной валеный сапог скачет!

— Б хулу, матушка, к хулу. Жди не счастья... Маня! Маня! Опять ты в окошко вываливаешься! И наведи ты сон вывед... Окаянная! Послушайши ты меня? Ох, прощ, слава с вами нет.

Годы шли...

Орудия смолкли. И снова, как и когда-то давно, зашумела фабричная труба и громко победно развуча гудок по всей стране:

— Гей, за работу!

В киншад мурлыканье превратилась страна. Застучали молоты, зашумели пилы.

Миллионы рук копались в обугленных обломках старья, выбрав годное и уничтожая ненужное.

Одна за другая стоявшие по пятилетки лет заводы испускали призывный зов. И пели великую песню! Иду, а приводе ремни.

В общей суматохе бесчисленные Анфисы, Анфисы, нашли свое место. Вы теперь их увидите и в школах, и в университетах, и на заводах в мастерских, и в советах. Они все хотят знать.

И не про сам тебери говорят они, не про червот. Все это забвот, куда-то отодвинулось...

На какое-либо заседание они приходят прежде своих мужей.

— Безобразия! Час ждем, а их все нет. Вот пошлут-то работа и не клеится у нас в секции.

— Не только поэтому. Говорят все больше болтает. Болтают, болтают, точно они стали бабами, а толку нет.

— Я вот спугнулось было в нашем директору фабрики. Так и так мол, нужно бы почистить завод, пылесосы, грязь... А он—све твое дело. Без баб обойдемся! Да как-а загниет.

Смертельный ужас застыл на лице.

Анфиса ждала, что вот-вот ударит гром и от мужа останется цепочка порошка.

И гром ударил...

— Теперь мы разны. А богов больше нет.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

К совещанию зав. орготделами укомов и райкомов

Совместное заседание на 30-е сентября совещание заведующих орготделами укомов и райкомов нужно отметить, как имеющее важное значение в жизни нашей партийной организации. Необходимость такого совещания назрела уже давно, но ряд обстоятельств мешала его созыву.

Кто-то когда-то сказал, что орготдел — «душа» партийного комитета. В известном смысле это верно. Достаточно сказать, что через орготдел партийный комитет осуществляет связь с, главное, руководящими партийными организациями, что в орготделе собирается весь многообразный опыт форм и методов партийной работы; короче говоря, орготдел есть центр, в котором концентрируются все вопросы партийного строительства.

Сейчас мы подошли к выводу о наиболее ответственному моменту нашей работы — к осенне-зимнему периоду. Не только потому, что этот период всегда отличался большим оживлением в партийной жизни, в партийной работе и во всем нашем строительстве, но и потому, что в этом году мы будем работать в исключительной обстановке над осуществлением исключительных по своей важности задач — укрупнение совещание должно привлечь к себе максимум нашего внимания. Сложность обстановки, естественно, усложняет и наши задачи, и саму практику нашей работы.

К партийным организациям предъявляются все новые и новые требования, качество практической работы должно быть не только лучше, но и быстрее.

Над делом укрупнения практики партийной работы и должно работать большинство заводов. Стоит вспомнить на повестку дня совещания, чтобы убедиться в этом.

Первым вопросом стоит план работы орготдела РК на осенне-зимний период (октябрь-март).

Мы давно уже отказались от практики разработки централизованных планов. Каждая партийная организация самостоятельна в этом деле, может и должна проявлять свою инициативу и, исходя из общих задач, при-

менился с местными условиями, строить планы своей работы. Но все же очень важно, что работники с мест принимают участие в разработке руководящего отчета укомов. Здесь они, во-первых, получают основное направление работы на осенне-зимний период, а во-вторых, — вносят те мероприятия, которые, быть может, в плане не будут предусмотрены, но которые по мнению мест необходимы.

Вторым стоит вопрос о выдвижении рабочих и крестьян на руководящую государственную работу. Этот вопрос ставится в плоскости поведения итогов, проверки того, что и как мы сделали в этой области и как мы должны будем развернуть эту работу в дальнейшем. За истекший год усилилось много внимания этому вопросу, много на нем поработали, и все же нужно сказать, что общий итог будет не весьма впечатляющим. Правда, много выдвинуто новых работников из среды рабочих и крестьян, но дело не только в количестве, — хотя, заметим в скобках, и количество нельзя считать удовлетворительным, — а в качестве, в самой постановке работы.

Уже одно то, что выдвижение в большинстве случаев проводилось чисто механически, по разрозненным сведениям, приводит к отрицательным результатам. Даст партию разветвлению, и будет «выдвигать» — и на этом делу конец. В то время когда работа по выдвижению должна являться постоянной, систематической, когда она должна идти снизу, при непосредственном участии масс рабочих и крестьян.

Второй недостаток — тот, что имеет место выдвижение ради выдвижения, т. е. когда для выдвижения создается искусственные должности. Здесь, во-первых, дискредитируется сама идея выдвижения, и во-вторых — не достигается настоящий цели: действительное улучшение, при помощи выдвижения, работы госпартии и укрепления связи партии с массами.

На совещании этот вопрос будет поставлен во всей широте, и будем думать, что будут разработаны такие методы и способы выдвижения, при помощи которых нам удастся изжить все недостатки и правильно поставить эту работу.

Следующий вопрос, на котором мы бы хотели остановиться, — это об инструкторской работе на осенне-зимний период.

Партия проводила специальную мобилизацию работников для укрепления инструкторских аппаратов, XIV партконференция дала специальную директиву о необходимости улучшения инструкторской работы, отсюда то значение, которое имеет этот вопрос. В нашей организации есть достижение в деле укрепления инструкторских аппаратов укомов. Губкомом направлено 10 работников на эту работу. Но что сама по себе работа инструкторов поставлена недостаточно удовлетворительно — факт несомненный.

Через инструктора партия осуществляет живую связь и живое руководство ячейками, а инструктора, как правило, большую часть времени года проводят в аппарате, а не на местах, а иногда использовались не по своему назначению. Каким, скажите, здесь была связь? Но не только в этом наша беда. Она еще в том, что у нас до сих пор нет единых, вполне отвечающих требованиям момента, методов инструкторской работы.

Совещанию предстоит эти методы разработать, при чем так, чтобы при помощи инструкторской работы мы бы действительно помогали нашим ячейкам улучшить и правильно вести свою работу.

Не менее важным на совещании является также вопрос, как регулирование роста партийной организации, о партуководстве непартийными организациями, о партнагрузке, о комиссионной работе в ячейках, о постановке учета и распределения, — все это является злободневным, все требует учета недостатков и наметения лучших способов практической работы в этих областях.

В самом орграспределе РК и на местах идет большая подготовительная работа, которая, мы думаем, послужит залогом успеха работы совещания.

С. Киш.

Компросвещение

Компросвещение в вузовских ячейках

Перед началом учебного года перед вузовскими ячейками особенно остро встает вопрос о компросвещении.

Общая система партпросвещения не соответствует условиям работы вузовских ячеек, т. е. с одной стороны, по своему составу вузовские ячейки стоят по своему уровню развития выше, и с другой — члены партии сопоставляются с академическими дисциплинами, изучающими вопросы общественного развития.

Среди руководящих товарищей вузовских партийных организаций существует по вопросу компросвещения несколько точек зрения.

Некоторые товарищи говорят о том, что специальная работа по компросвещению вузовские ячейки вести не должны, т. е. члены партии в порядке академического проходят общественные дисциплины.

Многие склонны думать, что общая система партпросвещения может привиться в вузовских ячейках при соответствующей программе.

Или на одном из этих предложений мы останавливаться не можем. При разрешении вопроса о партпросвещении в вузовских ячейках следует исходить из двух неприменимых условий:

1) Компросвещение необходимо вести самой партийной организацией, не прекращаясь в той работе на академических органах, т. е. отказ партийной организации от этой работы означает уклон от большинства, Ленинского принципа, в сторону хвостизма, когда партийная организация, не руководя и не направляя по соответствующему руслу политическое развитие своих членов, может сделаться не передовым отрядом, а хвостом.

2) Вместе с тем необходимо использовать весь материал, преподаваемый при академических занятиях. Следовательно необходимо систему компросвещения построить таким образом, что бы она сочеталась с академической работой партийца.

Лучшей формой компросвещения студента-партия является самообразование, построенное следующим образом:

Весь состав ячейки разбивается на группы, примерно по 10 человек, с одинаковым приблизительно уровнем развития. Каждая группа выдвигает из своей среды секретаря.

Секретари групп образуют бюро по самообразованию, собираясь под руководством одного из них в месяц для разрешения очередных вопросов, обсуждения программ, политико-научных опыта и т. д.

Группы собираются 1 раз в м. и. д. где подготавливается работа каждого партийца за м. и. д. и секретарем дается задание на следующий месяц работы. Связь с группой по самообразованию ведет апорг ячейки.

Учет работы каждого партийца ведется секретарем, подготавливается работа всех групп апоргом и в 2 м. — парад за доклады работы групп ячейки.

В программу работы на месяц должны войти вопросы, прорабатываемые по академическим общественным дисциплинам по учебной программе, вопросы международной политики, политика нашей партии и т. п.

Детальную проработку системы следует проработать более основательно, но при этом схема, набросанная выше, не является вечно разрешает вопрос.

Я. Ефимов.

46 чел. на деревенский фронт компросвещения

Основной деревенский компросвещения в нынешнем году является школа-переводка.

В 1925-26 учебном году АПО РК РКП решил развернуть по губернии 45 школ-переводок.

Эта развертываемая сеть компросвещения по губернии поставила губком перед необходимостью подготовки для этой школы соответствующих кадров пропагандистских сил.

Для этой цели при АПО губкома РКП в августе были организованы кратковременные курсы по переподготовке руководителей школ-переводок. Курсы проработали с 27 августа по 20 сентября и сейчас, по окончании занятий, выпустили из своих стен 46 пропагандистов, которые сейчас будут брошены на деревенский фронт партпросвещения.

Основная задача, стоящая перед курсами, была — подготовить кадры квалифицированных руководителей для школ-переводок.

Справился ли курс с данной задачей? Подводя итоги прошедшей работы курсов, можно сказать, что задача, стоявшая перед курсами, с успехом выполнена, если не принимать во внимание некоторые недостатки, которые неизбежны во всякой новой работе.

Очень важным моментом на курсах является состав курсов, который представлял дальнейшие результаты учебы. Набор курсантов был более или менее удовлетворителен. Из 46 чел. курсантов:

Об организации марксистских кружков

На фоне нашего хозяйственного и культурного роста мы наблюдаем усиленную тягу к компросвещению, особенно среди рядовых членов РКП. Такое явление вполне понятно и неизбежно.

В связи с этим возникает вопрос: как помочь т. т., желающим получить марксистские знания, получить их в действительности? А помочь им необходимо, ибо в противном случае возможна великая трата времени на чтение ненужных и бесполезных книг.

Существующие школы политграмоты I и II ступени недостаточны, ибо имеют с контингентом т. т. с более высокими требованиями, таких т. т., которым нужны более глубокие и систематические знания и которые не столько

Политграмота и вводная учебно-компросвещенческая — идет на всех парках. Проведена политграмота Вольской городской организации. При политграмоте проверяемых разбиты на 2 категории: политически грамотные и политически грамотные с недостатками. Первые назначаются в организации 15 пар., вторых 85 пар.

В Вольской организуются 30 школ 1-го ступени и 3 школы 2-го ступени. Всего охвачены в этих школах 600 человек. Комсомольцы партпросвещения не охватываются; партийно-комсомольцы занимаются в партийшколах.

Везде будут работать 12 школ-переводок, в которых будут заниматься 700 партийцев. В каждой школе — одна школа-переводка.

Руководителями как городского, так и деревенских школ назначены. Получены на саратовских курсах подготовку 7 человек. Остальные руководители подготовлены на курсах в Вольске. Эти курсы начали работу с 1 августа и закончат к 1 октября, занимаясь на них 30 человек.

Пособиями для учебы обеспечены тоже; литература закупается непосредственно в Москве. Закуплены наглядные пособия, диаграммы и т. д.

Уклон литературы для полноты будет продолжен непосредственно по волеком. В Хвалынске, Карбулаке, Барановке,

Поправка

Во втором издании «Сар. Известий», в резолюции губкома РКП (б) о производственной программе ГСНХ, выражался при перепечатке оригинала грубая ошибка:

Начеатано (и. э.): «...дальнейшее повышение заработной платы (зарплата) должно идти за счет увеличения производительности труда»...

Должно быть: «...дальнейшее увеличение ее должно идти... и т. д.

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

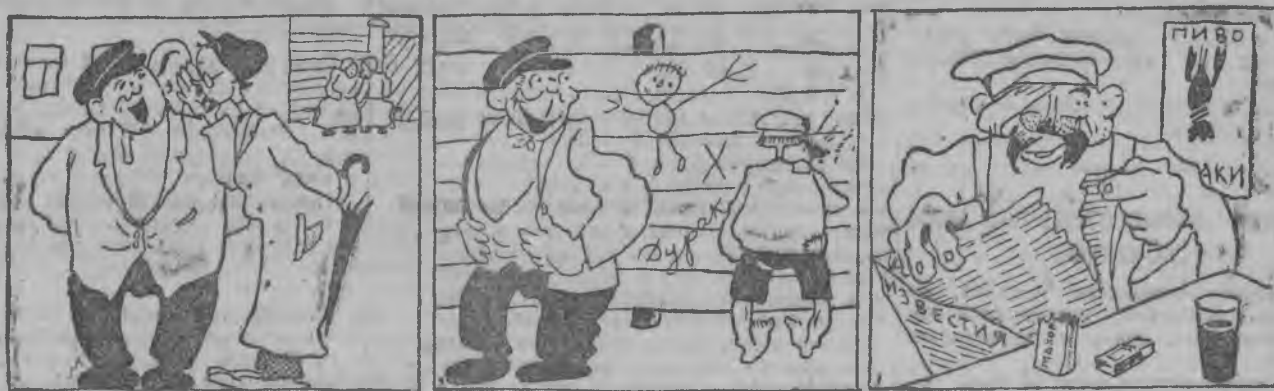
К рабочим заводам „Сотрудник революции“ и „Универсаль“

Дорогие товарищи! И обращаясь, как рабочий «Сарат. Изв.», к рабочим, работникам и служащим заводов с тем, чтобы они относились внимательно и серьезно к читат. конференции, так как вопрос выживания хорошей стороны газеты и ее недостатков имеет большое значение как для самой газеты, так и пишущих в нее — рабочих.

А посему рабочие и работники должны прямо, в то же время объективно, сказать, какие недостатки мы подмечаем в газете. Также рабочие должны обратить серьезное внимание на отдел «Рабочей жизни» — на тот отдел, который делается таким же рабочими от стамки (рабочими), посылающими сюда свои письма о состоянии их производства и их жизни. Рабочие также должны сказать о действии, какое производит заметки и статьи на самих рабочих и на администрацию; кому не раз помогла и помогает газета в конфликтах рабочих с хозорганами, как помогла и в чем, — рабочие должны отметить это на читательской конференции, как, и достижения.

Давайте, тов.-цы рабочие, выливаем все хорошее и плохое в нашей газете! Давайте так же все писать в нее; —

„Газеты“ наших нечитателей

«Мертвая» газета.

«Стенная» газета.

«Живая» газета.

Газетный день

Утром (ранним или поздним, в зависимости от «местных условий») наш читатель получает свежий, аккуратно сложенный, номер «Известий», четыре страницы заполнены убогими шрифтами. Клад ли всякий читатель сознает в этот миг, результатом какой колоссальной работы, каких напряжений, является этот номер, который завтра же будет отложен в сторону. Кто заменит другой.

Увы! Не голгофен этот огромный лист, на который затрачено столько сил. Он живет ровно день.

Редакция — огромная машина, огромный котел кипучей человеческой энергии, направленной к определенной цели: так именно светятся факты и так именно их обобщают, чтобы они были связаны с общим ходом нашей общественно-политической жизни.

И в то же время — каждая строка должна кричать о себе. Здесь не должно быть лишних слов. Самую длинную мысль, самый обширный факт, необходимо уложить в короткое, выразительное предложение.

Этим и замечаетел журналист. Этим он — журналист. * * * У нас газетный день начинается с девяти. Дребезжит телефон. Телефон в нашей «жизни» играет огромную роль (невозможно представить себе редакцию без телефона).

Назавтрашний день начинается с работы пишмашинистов. «Симфония» телефона и пишмашин — это та «музыка», которая прежде всего ошарашивает вас, дорогой читатель, если вы хоть на минуту заглянете в нам.

Позже появляется «Публика». Тут решительно и перешително. К регистратору (сдать рукопись), к секретарю (сдать рукопись), к редактору (сдать рукопись), в отдел «Рабочая жизнь» (сдать рукопись).

У регистратора — ящик рукописей. Он выхваченный метет их, с тем, чтобы успеть передать в соответствующий отдел редакции срочный материал. Он безжалостно листует «журнал», насколько позволяет глазами рукописи, нервно наклоняется к телефону, и, наконец, совлажившись с места, летит:

— Срочно! Срочно! Стоят репортеры (наши постоянные работники, обслуживающие в смысле новостей главные отрасли жизни города). Блок-нот и карандаш — неотъемлемая часть их личности.

Спешно расстегнув «сараганы» (пазлы), они наклоняются над столом. Листуют блок-ноты и пишут. Пишут и листуют. Иные, поворачиваясь, подсказывают к машинисткам (у нас всего две, так что всех нельзя обслужить) диктовать.

Их движения пронизаны исключительной ловкостью, они легко приспосабливаются к любым обстоятельствам. Где угодно, в каком угодно положении репортер обязан выплыть то, что надо для газеты, то, чем она жива.

Паз репортера дисциплинирован в том направлении. Репортер, если он репортер, способен отметить то, что для комм. кружок при агитотделе райкома должен обобщить всех т. т., желающих углубить свои знания, и путем создания подготовленной инициативной группы в самом кружке, — новости району.

Б. Мойжес. * * * В отделе «Рабочая жизнь» тоже кипит работа. Спешно выправляется гудок рабочнического материала. Работа трудная, требующая всеобщего внимания и неустаточного напряжения. Надо учесть, что дата в номер,

выбрать из ужасающей своей величии кипы рабочнического материала именно те заметки, которые нужны именно в этот день. Надо выправить корректуру, по ценные строки рабочнических ссылок. Составить уравновешенно отдел «Рабочая жизнь».

То и дело дребезжит над ухом телефон. Это рабочие справляются о судьбе своих заметок. — Не идет сегодня? — Нет. — Почему? Ведь дельная заметка и срочная...

— Верно... Но из срочных приходится выбирать срочнейшие и важнейшие. У стола — тоже рабочие. Те же разговоры. Но говоря уже о том, что ежедневно приходится впервые в редакцию лица, так или иначе обобщенные, и советуется о своих горестях.

Всем нужно уделить внимание, исключительное внимание, чтобы в две минуты вынуть в суть сообщения, пробежать мельком заметку, дать совет — удовлетворить человека.

И тут же под рукой спешная работа — правка материала. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали. Слухач — недвижим за столиком. Остро

Материал сдать не позже 12. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали. Слухач — недвижим за столиком. Остро

Материал сдать не позже 12. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали. Слухач — недвижим за столиком. Остро

Материал сдать не позже 12. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали. Слухач — недвижим за столиком. Остро

Материал сдать не позже 12. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали. Слухач — недвижим за столиком. Остро

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

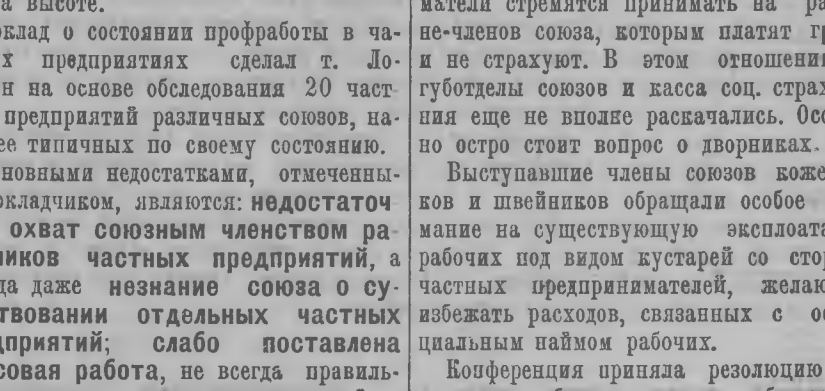
К рабочим заводам „Сотрудник революции“ и „Универсаль“

Дорогие товарищи! И обращаясь, как рабочий «Сарат. Изв.», к рабочим, работникам и служащим заводов с тем, чтобы они относились внимательно и серьезно к читат. конференции, так как вопрос выживания хорошей стороны газеты и ее недостатков имеет большое значение как для самой газеты, так и пишущих в нее — рабочих.

А посему рабочие и работники должны прямо, в то же время объективно, сказать, какие недостатки мы подмечаем в газете. Также рабочие должны обратить серьезное внимание на отдел «Рабочей жизни» — на тот отдел, который делается таким же рабочими от стамки (рабочими), посылающими сюда свои письма о состоянии их производства и их жизни. Рабочие также должны сказать о действии, какое производит заметки и статьи на самих рабочих и на администрацию; кому не раз помогла и помогает газета в конфликтах рабочих с хозорганами, как помогла и в чем, — рабочие должны отметить это на читательской конференции, как, и достижения.

Давайте, тов.-цы рабочие, выливаем все хорошее и плохое в нашей газете! Давайте так же все писать в нее; —

„Газеты“ наших нечитателей

«Мертвая» газета.

«Стенная» газета.

«Живая» газета.

Газетный день

Утром (ранним или поздним, в зависимости от «местных условий») наш читатель получает свежий, аккуратно сложенный, номер «Известий», четыре страницы заполнены убогими шрифтами. Клад ли всякий читатель сознает в этот миг, результатом какой колоссальной работы, каких напряжений, является этот номер, который завтра же будет отложен в сторону. Кто заменит другой.

Увы! Не голгофен этот огромный лист, на который затрачено столько сил. Он живет ровно день.

Редакция — огромная машина, огромный котел кипучей человеческой энергии, направленной к определенной цели: так именно светятся факты и так именно их обобщают, чтобы они были связаны с общим ходом нашей общественно-политической жизни.

И в то же время — каждая строка должна кричать о себе. Здесь не должно быть лишних слов. Самую длинную мысль, самый обширный факт, необходимо уложить в короткое, выразительное предложение.

Этим и замечаетел журналист. Этим он — журналист. * * * У нас газетный день начинается с девяти. Дребезжит телефон. Телефон в нашей «жизни» играет огромную роль (невозможно представить себе редакцию без телефона).

Назавтрашний день начинается с работы пишмашинистов. «Симфония» телефона и пишмашин — это та «музыка», которая прежде всего ошарашивает вас, дорогой читатель, если вы хоть на минуту заглянете в нам.

Позже появляется «Публика». Тут решительно и перешително. К регистратору (сдать рукопись), к секретарю (сдать рукопись), к редактору (сдать рукопись), в отдел «Рабочая жизнь» (сдать рукопись).

У регистратора — ящик рукописей. Он выхваченный метет их, с тем, чтобы успеть передать в соответствующий отдел редакции срочный материал. Он безжалостно листует «журнал», насколько позволяет глазами рукописи, нервно наклоняется к телефону, и, наконец, совлажившись с места, летит:

— Срочно! Срочно! Стоят репортеры (наши постоянные работники, обслуживающие в смысле новостей главные отрасли жизни города). Блок-нот и карандаш — неотъемлемая часть их личности.

Спешно расстегнув «сараганы» (пазлы), они наклоняются над столом. Листуют блок-ноты и пишут. Пишут и листуют. Иные, поворачиваясь, подсказывают к машинисткам (у нас всего две, так что всех нельзя обслужить) диктовать.

Их движения пронизаны исключительной ловкостью, они легко приспосабливаются к любым обстоятельствам. Где угодно, в каком угодно положении репортер обязан выплыть то, что надо для газеты, то, чем она жива.

Паз репортера дисциплинирован в том направлении. Репортер, если он репортер, способен отметить то, что для комм. кружок при агитотделе райкома должен обобщить всех т. т., желающих углубить свои знания, и путем создания подготовленной инициативной группы в самом кружке, — новости району.

Б. Мойжес. * * * В отделе «Рабочая жизнь» тоже кипит работа. Спешно выправляется гудок рабочнического материала. Работа трудная, требующая всеобщего внимания и неустаточного напряжения. Надо учесть, что дата в номер,

выбрать из ужасающей своей величии кипы рабочнического материала именно те заметки, которые нужны именно в этот день. Надо выправить корректуру, по ценные строки рабочнических ссылок. Составить уравновешенно отдел «Рабочая жизнь».

То и дело дребезжит над ухом телефон. Это рабочие справляются о судьбе своих заметок. — Не идет сегодня? — Нет. — Почему? Ведь дельная заметка и срочная...

— Верно... Но из срочных приходится выбирать срочнейшие и важнейшие. У стола — тоже рабочие. Те же разговоры. Но говоря уже о том, что ежедневно приходится впервые в редакцию лица, так или иначе обобщенные, и советуется о своих горестях.

Всем нужно уделить внимание, исключительное внимание, чтобы в две минуты вынуть в суть сообщения, пробежать мельком заметку, дать совет — удовлетворить человека.

И тут же под рукой спешная работа — правка материала. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали. Слухач — недвижим за столиком. Остро

Материал сдать не позже 12. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали. Слухач — недвижим за столиком. Остро

Материал сдать не позже 12. * * * У художников. Трое за столом в отделе «Рабочая жизнь». Один в общей редакционной комнате — политический каррикатурист.

Работают исключительно по «срочным заданиям». — Нарисовать каррикатуру, заставку, заголовок в «Рабочую жизнь»! — Дайте политкарикатуристу! — Потеря китайского посланника в подбор!

Лишь на минутку отвернется кто-нибудь из них от стола, держа в руках бумажку с махрой... Перекрутит веревки спичечка, и снова к рисунку. * * * Отдел информации. Радио-кабинет. В девять — первая получка вестей из Москвы. В девять — ревет налаженный репродуктор (слуховой прибор). Надавали

